

Сергей Бочков

НАГРАДА ГЕРОЯ

Сергей Владимирович Бочков

Награда героя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69940663

SelfPub; 2023

Аннотация

Связав события Великой Отечественной войны и наше время, рассказ повествует о подвиге и награде, нашедшей героя спустя много лет.

Сергей Бочков

Награда героя

Низину, – ту, что за посёлком, – застелило к утру лёгкой матово-белёсой пеленой тумана. Глядя с бугра, кажется, будто тот, вместе со всеми постройками и насаждениями, уместившимися на его приплюснутой верхушке, словно плывёт над этой пеленой, тянущейся до пределов всего обозримого сквозь предрассветный сумрак пространства. Тихо. Изредка крохотная птичка какая-нибудь встрепенётся своим тоненьким голоском... и вновь тишина.

Хоть до восхода далеко ещё, а дед Архип уже на ногах. Не спится ему: то ли в силу привычки деревенской вставить ни свет ни заря, то ли ввиду возраста своего преклонного. Из комнаты в комнату шаркает мелкими стариковскими шагами по тишине безучастной. Тянутся медленные мысли и долгие воспоминания, такие же давние и неповоротливые, как и он сам. Неторопливо, будто нехотя, вяжется петелька к петельке нить времени, соединяя минуту с минутой в часы. Изо дня в день теперь для него так – пора знать пришла, что спешить некуда стало...

Сквозь стекло оконное видно: как небо, всё отчётливей выделяясь из общей серости, постепенно светлеет, а по линии горизонта, показавшейся сквозь рассеивающуюся муть тумана, разливается, становясь шире и больше, бледно-оран-

жевая полоса рассвета. Солнечный свет, возвращая округе её краски, тёплыми лучами сгоняет прочь влажную прохладу весеннего утра. И весь мир, стряхивая дремотную невнятность пробуждения, готовится приступить к заботам грядущего дня.

У деда Архипа ныне на всякий из дней забот не много – не то, что прежде. И на пенсии уж не первый десяток лет, и хозяйства ныне того нет: куры да утки – вот и вся живность (пёс с кошкой само собой не в счёт). А доселе, всего-то несколько годов назад, помимо птицы, которой поболее против теперешнего было, содержались ещё и поросята, и овцы, ну и конечно коровка (как же без неё). Прилично, – что и сказать, – животные на подворье водилось. Лошади лишь не имелось. Да она, – своя собственная, – деду Архипу и не надобилась, поскольку он конюхом в колхозе работал. Так, что когда требовалось, мог запросто взять нужную ему лошадёнку – ну дабы огород вспахать, или сена привезти, или по другим каким делам хозяйским.

Нелёгкок крестьянский труд – с утра до ночи в хлопотах, иной раз и присесть некогда. Но, однако, как-никак справлялись. И не то, чтоб дед Архип чрезмерной деловитостью отличался – наоборот слыл смиренным и тихим (жена в семье главным образом верховодила), или в работе особо упорствовал – этому увечье ноги, на войне полученное, мешало. Но раньше и у них с бабкой силёнок больше было, и сын с дочерью помогали – так что жили в достатке. Нет, не зажи-

точно, но без нужды. Всё как у людей – не больше и не меньше. Этак, глядя друг на дружку, и живут на селе.

Нынче, правда, смотреть особо не на кого. В посёлке, и дотоль не шибко многолюдном, домов вдвое поубавилось, да и в тех почитай одни старики остались век свой доживать, подобно деду Архипу с бабкой его. Оно, конечно, жаловаться особо не на что, но как-то одиноко уж совсем стало. Сын их лет двадцать назад из жизни ушёл, по бессемейности своей потомства не оставив, а дочка – в городе устроилась. Как уехала туда в техникум учиться, так там и осталась: замуж вышла, детишками обзавелась. Поначалу и сама она, и внучки навещали довольно часто. Теперь же дочь раз в два три месяца проведать приезжает. Но она хоть по телефону регулярно звонит (и то ладно), а внуки подросли – и вообще носу не кажут. Некогда им, заняты: постоянно дела... дела у них какие-то. Ну, видать времена такие быстрые настали, вон не то что столетие, а тысячелетие новое началось... Так-то оно так, да только старости новшества без надобности – она прошлым богата. Вот и невдомёк деду Архипу: откуда манера жизни неутомонная такая взялась, у него-то в быту всё по-прежнему размеренно и неторопливо. Что просто то и понятно, а всякие сложные мудрёности для него будто в другом, чуждом ему мире существуют. Да как иначе – ведь все годы свои провёл он в обыденно привычных трудах и хлопотах, при которых один день с другим схож.

Таким намечался быть и этот день. «Вторник по календа-

рю вроде... да, точно вторник, ибо воскресенье позавчера минуло...» – так сосчитал дед Архип, сидя у себя во дворе и радуясь приятной погодке: ясно (ни облачка на небе), сухо (за неделю бездождья землю подтянуло, убрав грязные лужи), тепло (не жарко, а именно – тепло)... и воздух по-весеннему лёгок и чист.

Время, надо думать, к полудню приближалось, когда услышав шум мотора, дед Архип разглядел, движущуюся вдоль единственной улочки посёлка, легковую машину. «Верно к кому-то из соседей», – решил он. Но нет, тёмно-зелёный уазик (так он марку автомобиля того определил) с непривычным, – белым по чёрному, – номером, подкатил к его дому, остановившись напротив калитки. В полном недоумении наблюдал дед Архип, как открыв дверцу, из машины выбрался военный: чуть постарше среднего возраста, высокий и немного полноватый, в куцей форменной куртке на молнии, при фуражке с верхом высоко задранном... на плечах погоны майорские.

Взвился на чужака ретивым лаем, выскочивший из-под дома, пёс, службу свою хозяину показывая.

– Фу! Фу! Ишь ты разошёлся! – утихомирил его дед Архип, не отрывая взгляда от майора, который открыл калитку и, промокая платочком потный лоб, шагал к дому.

Дойдя до крыльца, на котором расположился дед Архип, гость оценивающе поглядел на пса, поняв, что пакостей от того ни каких ожидать не стоит, перевёл взгляд на деда Ар-

хипа и, широко улыбаясь, спросил:

– Архип Степаныч?

– Ага, так...

Майор представился, указав, что он военком районный, прокашлялся, а затем немного смущённо, и потому видимо не совсем складно, сообщил:

– У меня для вас, Архип Степаныч... новость... Хорошая... – Запнувшись, обвёл взглядом двор и предложил, всё так же улыбаясь: – Может быть лучше в дом зайдём?..

– Ага... оно, конечно, так... – словно очнувшись от оцепенения, засуетился дед Архип, приглашая пройти в своё жилище.

На кухне, в первой за верандой комнате, бабка – жена Архипова уже встречает, вопросительно в лица заглядывая.

– Здравствуйте, – поздоровался военком, коротко представившись и ей.

Та, ответив лёгким кивком головы, растеряно молчала.

После паузы небольшой (для солидности вероятно сделанной), сообразив, что не зачем дальше тянуть, ставя тем самым стариков в неловкое положение, майор перешёл к делу: вынул из нагрудного кармана лист бумаги и, придавая своему голосу торжественность, зачитал:

– Архип Степанович, имею честь сообщить вам... в архивах отыскался документ от марта тысяча девятьсот сорок пятого года на представление вас к ордену Славы третьей степени, – Заметив, что никто из стариков (ни сам Архип Сте-

панович, ни супруга его) всего сказанного им до конца не поняли, опять в улыбке расплылся и, стараясь донести суть, подсказал: – Так сказать... награда нашла героя.

Выждав чуток, продолжил:

– В связи с этим разрешите пригласить вас в районный дом культуры для вручения вам, так сказать, этой награды... – сверившись со своим листиком, указал дату и время мероприятия. Закончив с официальной частью, от себя добавил: – Событие для нашего района, сами понимаете, важное, поэтому и из администрации будут, и из газеты районной. Не исключено, что и из областного центра приедут... Ну, а за вами мы машину пришлём. Доставим, так сказать, в лучшем виде... и до места, и обратно... Что ещё... Родственников своих позовите... Форма одежды, так сказать, парадная... – И, объяснив немногие оставшиеся детали, стал прощаться: – Ну... вот, наверное, и всё... Как говориться... честь имею!

– Может чайку попьёте? А? – спохватилась бабка.

– Прошу прощения, вынужден отказаться. Служба, – зашепел военком.

Проводив до калитки своего необычного, и уж точно неожиданного гостя, дед Архип ещё долго стоял, одной рукой на костыль свой опираясь, другой на выщербленный временем деревянный столбик забора. Медленно ворочал мыслями, уставившись рассеянным взглядом на удаляющуюся машину. «Орден... Вон оно как...» – вертелось в голове у дедушки Архипа. До сего дня из имеющихся у него наград, боевой

можно было считать лишь медаль «За победу над Германией», сразу после войны полученную. Остальные – юбилейные, те которые к каждой годовщине Победы, всем участникам, выдавали... А тут орден... с марта сорок пятого не вручённый (так тот улыбочивый военком говорил)... Это как раз тогда ногу-то деду Архипу покалечило...

И далёкие, – настолько далёкие, что будто как не с ним вовсе произошедшие, – события, о которых за суматохой повседневности позабыл уже, начали одно за другим всплывать в его памяти, смутными видениями прошлого...

* * *

Непривычно ранняя весна в этих заграницах: март едва-едва начался, а уж снег весь потаял. По ночам правда лёгкий морозец ещё прихватывает, но днём – ростепель. Да, собственно говоря, всё в стороне той чужеземной другое какое-то, чудное... даже небо тамошнее с нашим по цвету несхоже. Но оно, конечно, дело понятное – поскольку нигде, кроме деревни своей, Архипу прежде бывать не доводилось. Потому в диковинку ему: и горы лесом поросшие, что Карпатами зовутся; и реки безмерно широкие, то же Дунай, к примеру, взять; и равнины, множеством каналов изрезанные... Ну, и народ: что румыны, что венгры (последних ещё мадьярами иногда кличут) – вроде ни чего особенного, – люди как люди, – но, однако, другие они, на цыган чем-то похожи. И язык у них непонятный совсем (на тарабарщине

какой-то говорят, ничего не разобрать), и селения не такие как у нас, и уклад жизни иной... Удивительно Архипу всё это... а ведь если б не война, навряд ли он в тех краях оказался бы.

Да... война. Одна на всех, да всем разная. На передовой, откуда, почти не умолкая, доносится гулкое эхо канонады, – где сотрясается взбудораженная разрывами земля и дрожит пронзённый множеством выстрелов воздух; где залпами и поодиночке бьют орудия артиллерийских батарей; где, поднимая траками мягкий чернозём, движутся вперёд танки, и, выбравшись из своих окопов, идёт за ними в атаку пехота, – там есть место всему: и страху с болью... и злобе с яростью... и подвигу... А вот у Архипа, – ездового кабельно-шестовой роты, – война как работа – трудная и каждодневная. Нет, и ему под обстрелами да под бомбёжками бывать приходилось (та, надо признать, жуть), но тем не менее с «передком» не сравнить.

Для Архипа вся его служба – это, прежде всего, дороги. Иной раз широкие, но чаще узкие; редко когда с покрытием, в основном – просто грунтовки; почти все разбитые да искорёженные; расплосованные глубокими колеями, наполненными дождевой жижей. Вот какие они дороги фронтовые, по таким с ветерком уж точно не прокатишься. А иной раз дорог и в помине нет – одно направление только. Но как бы то ни было есть приказ, а значит нужно ехать. Потому и колесит, поспешая за тянущимися линиями «шестовок», Архи-

пова повозка гружёная длиннющими шестами с изоляторами, увесистыми катушками кабеля и прочим, подчас не совсем понятным ему, оборудованием для связи. День за днём мерят бесконечные вёрсты, стиснутые железными шинами, деревянные колёса, то уваливая от бесчисленных колдобин, то увязая по ступицу в грязевом месиве распутицы, то проскользывая по слюдяной корке наледи.

В таком деле весь расчёт и надежда на честного трудягу и главного помощника человека – лошадь. У Архипа это был, вверенный ему, конь Магнит: немолодой уже, послушный и старательный мерин. В полном согласии друг с дружкой шла у них работа. Непритязательный и отрешённо спокойный Магнит был подстать своему хозяину. А Архип, добродушно заботясь о своём единственном «подчинённом», понапрасну не понукал его, не бранил, и никогда не вымещал на нём свои обиды, как обычно другие делают. Кто коню кличку такую своеобразную дал ни кто и не помнил теперь. Известно лишь было, что к прибытию Архипа в роту Магнит числился в ней не первый год, и в службе, как по началу казалось, понимал побольше своего нового хозяина.

Сложно как-то Архипу служба солдатская давалась... все эти манеры да порядки армейские. У иных, вон как ладно получается (даже с шиком особым), а у него – нет. И не сказать, чтоб глуп или нерадив он был... нет. Только уж больно кроткий совсем... робкий. Да к тому же, по простодушной наивности своей, всякому слову доверчив. Вроде и плохого

в том ничего нет, но простота такая чрезмерная зачастую с неуверенностью и растерянностью дружит. Вот и у Архипа так... А над таким кто угодно власть возьмёт, а потом ещё и дураком выставит (ибо главный всегда себя умней других считает).

Оно и в деревне, где рос Архип, все парни бойчей его были. Не то что бы удальцы-молодцы какие-то особые, нет – обыкновенные ребята... а всё ж пошустрей его, похватче. И покуривали, и выпивали, и по девкам бегали (как иначе-то). Архип же, по скромности и застенчивости своей, сторонился всего этого: и компаний разгульных (ни к табаку, ни к вину пристрастия не имея), и девчат (хотя они, если честно, из-за росточка его низенького да вида щупленького, сами на него внимания не обращали). Ему более по душе приходились покой уединения и умиротворяющее созерцание природы.

Каждому, кто видеть способен, отродна красота родного края... а иным, таким как Архип, – особенно. Залюбуется он, бывало: сколько ж радости в ярких красках весеннего утра, сколько восторга в просторе летнего дня, сколько очарования в тишине осеннего вечера и сколько чудесной благодати в густой синеве звёздной зимней ночи! Ведь ни одним мудрёным расчётом не вычислить всё это великолепие, ни на каком безмене не взвесить, и нет такого приспособления, которым измерить было бы можно... Да и выразить в полной мере, – хоть словами, хоть ещё чем, – едва ли получится.

Мила Архипу краса родных мест, несмотря на обыден-

ность повседневную – как-никак не в городе он рос, а в деревне; не у станка на заводе трудился, а в поле. Сызмальства, – сначала подпаском, потом пастухом, – гонял от зари до зари по лугам колхозное стадо. Ранёхонько по утру, когда солнце, ещё не выбравшись из-за дали горизонта, только-только начинает разгонять ночной мрак, выходят из загона, валяжно покачиваясь с боку на бок, коровы. Потолкавшись немного у изгороди, начинают неспешно брести много раз хоженным путём к выпасу, под сиплые окрики полусонных пастухов и звучные щелчки их неимоверно длиннющих плёток. Проходит час, другой... и солнечный диск, оторвавшись от кромки темнеющего вдалеке леса, начинает ползти всё выше и выше по светлеющему небосводу. Сырость и прохлада предрассветья сменяются мягким теплом зачинающегося дня, предполагающего быть, по всей видимости, погожим и жарким. Из бесконечно высокой синевы неба льётся радостно яркий свет на зелень полей, взволнованную лёгким ветерком. Мало-помалу начинает припекать, и время медленно, но верно близится к знойному полудню – поры гнать коров на дойку. Тогда у пастухов – обед. Ну, а после всю оставшуюся часть дня будут они водить с места на место по пастбищу стадо мирно щиплющих траву бурёнок, угадывая по солнцу: сколько до вечерней зорьки осталось – потому, как именно по закату, определяется завершение пастушьей работы... А на следующий день – по новой. Так и в поговорке подмечено: «Солнце восходит – пастух с ума сходит,

солнце садится – пастух веселится».

Все парни у них в деревне, когда пацанятами были, в подпасах ходили. Но как повзрослели, сразу на более солидную работу перешли – кто трактористом, кто комбайнёром стал (эти профессии завсегда почётом и уважением пользовались), кто вообще на агронома выучился. А Архип, – толи по причине характера простецкого, толи из-за сложения хлипкого, – так пастухом и остался. Ну что ж – кому-то и коров пасти надо. Возможно, конечно, в будущем и переменялась бы как-нибудь его трудовая деятельность... да тут война началась. Тогда без малого всё мужское население на фронт отправилось. Призвали и Архипа, когда год его подошёл...

В запасном полку, – куда со сборного пункта послали, – муштра: что ни приказание, так непременно «бегом» или «быстро». Командиры (и офицеры, и сержанты) все словно на подбор холёные, надменные и придирчивые – всё им не так, всё не по-ихнему. С утра раннего и до вечера позднего: то учения всякие, то работы какие-либо. Тяжело. Да кроме того кормёжка совсем скудная. Оно конечно Архип до того тоже не всегда от пуза ел, но там уж как-то особенно голодно было. От всего этого к концу дня и валила его с ног усталость тягучая. Только ночью всё одно не спится – маяется сердце птичьей тоской по дому... Ну, а завтра опять: «становись», «смирно»... «шагом – марш»... «коротким – коли», «длинным – коли»... И никто не побеспокоится, не спросит: легко, али трудно Архипу. А было трудно, ох как трудно.

После двух месяцев службы такой, о которой вспоминать не хочется, Архип присягу принял и с маршевой ротой на фронт отправился, а там его к связистам определили. Почему именно туда – ему не невдомёк было, да он особо и не задумывался. Только назначили Архипа не телефонистом или надсмотрщиком линейным, – тех ребят этому делу специально учили, – а ездовым. Далекое не самая значимая должность (если должностью её назвать можно), ну да что ж с того – кому-то и ездовым надо быть.

– В нашей службе без гужевого транспорта ни как, –ставлял старшина роты. – Оно конечно машины всякие – это вещь хорошая... но и без лошадки тоже бывает не обойтись. Она там вытянет, где и «студер» засядет. Смекаешь?.. Так, что вот тебе конь... вот упряжь... вот повозка. Это, стало быть, теперь – вверенное тебе имущество. А, значит, и следить за ним ты обязан... с усердием, и содержать в должном виде. Смекаешь?.. Коли что ни так – спрос с тебя. А я спросить могу! За мной это не «заржавеет».

Строг старшина был, если не сказать грозен. И вида из себя настолько внушительного, что любой перед ним запросто стушеваться мог: крепок, высок... да ещё, помимо трёх нашивок за ранения, орден с двумя медалями на гимнастёрке. Настоящий старшина одним словом, ни дать ни взять. Но в тоже время, при всей своей солидности, как-то понятен и привычен он был Архипу, точно бригадир колхозный: который и пожурит, и на путь истинный направит. С таким, как

говорится, служить можно... А вот своего ротного командира Архип побаивался. Этот хоть и слова бранного не скажет (не то, что старшина: тот «загнёт», так «загнёт»), но всегда терялся Архип, чувствуя себя без вины виноватым под его напряжённым, пристально молчаливым взглядом...

Всю осень сорок четвёртого года, через горы и долины Румынии с Венгрией, до самых границ Чехословакии наступал стрелковый корпус, в кабельно-шестовой роте которого числился красноармеец Архип вместе со своим конём и повозкой. Быстро довольно-таки наступал, только поспевай. А поспевать не так-то просто было. Не протолкнуться на переполненных дорогах: снуют туда-сюда пронырливые автомобили комсостава; торопятся, обгоняя друг друга, обременённые работой грузовики; рычат неповоротливые танки и самоходки, выбрасывая из выхлопных труб гарь сожжённого в своём нутре топлива; шагают, проклиная свою пешую долю, вытянувшиеся походными колоннами стрелковые подразделения. Техника... лошади... люди... – всё в бесконечном и невообразимо громадном движении направляется к чудовищному исполину, жутким зверем ворочающемуся впереди, – к фронту.

– Это, стало быть, до середины Европы мы дотопали, – глубокомысленно заявлял старшина, когда до Чехословакии добрались. – Теперь, значит, наш путь либо на Прагу... либо на Вену.

Мало кто в роте, за исключением командира, знал, где она

эта «серёдка Европы» должна находиться, да и про Прагу с Веной многие впервые слышали. Но уж если старшина говорит – значит так и есть. Кто б в его словах сомневаться стал? Он ведь безусловным авторитетом пользовался. Как-никак с сорок первого года воюет, и ранения имеет, и трёх наград удостоен – а это, по тем временам, редкость. Вот, например, у ротного всего один орден был, кое у кого медали имелись (по одной на брата), а у большинства (как и у Архипа) – ни нашивки, ни значка.

Но вышло по-другому совсем, не так как старшина предполагал. К концу года, наступление замедляться стало. А затем вообще всю их армию на другой участок фронта перебросили, южнее города Будапешт, за который уже несколько месяцев войска наши бились. Поучаствовать в тех боях Архипу не довелось: соединение, в котором он служил, в резерв тогда вывели... подготовкой боевой, – как в приказах указывалось, – заниматься. Но думалось, ненадолго это: вот-вот и в наступление опять. А иначе как? Не в обороне сидеть же. Ну, а про то, что ещё отступить может случиться никому даже в голову прийти не могло – где ж это видано под конец войны драпать?

Да, однако, и тут по-другому дело вышло... В самом начале марта месяца, когда дохнула промозглыми весенними туманами пробудившаяся после зимы земля, вдарил немец под озером Балатон... крепко вдарил, так что чуть в Дунай не спихнул. По низинам болотистым, между покатыми склона-

ми лесистых холмов, двинулись облепленные грязью танки эсесовских дивизий с названиями зловещими (видимо нарочно придуманными, дабы страха побольше нагнать). Не удалось тогда сдержать натиск. Начали пятиться наши войска, оставляя рубеж за рубежом. Такой сумбур начался, кого Архипу ещё видеть не приходилось. Наполнились суетливым беспорядком дороги да переправы: шума, крика, суматохи много... а толку мало. Весь тыл перемешался, спеша уйти от приближающегося гула фронта – не дай бог в окружении оказаться. А навстречу свежие силы к передовой движутся, прорывы закрывать.

В такую неразбериху Архип впервой угодил. Только-только успеют они всей ротой связь наладить (линии навести, пункты оборудовать), а уже сниматься надо – на другое место перебрасывают. Все какие-то напряженные стали, дёрганые. Даже старшина в своих приказах путается – похоже и сам конкретно не знает, что делать... а за ним такого раньше не водилось. Оно и понятно, ведь сначала всю их армию на соседний фронт отправили (врага останавливать), а потом и сам корпус другой армии подчинили. Тревожно делалось Архипу от этой всеобщей нервной неопределённости, не уразуметь ему ни как, что творится вокруг. Одно вне сомнения: если уж командиры мало чего в происходящем понимают – то, что с него взять...

Так вот, во время событий тех, – вроде через неделю после начала (теперь не упомянуть), – отрядили Архипа привезти

кое-что (тоже позабылось уже что именно, но помнилось – порожний в ту сторону шёл). Старшина, как положено, дорогу указал: куда и сколько ехать, где свернуть правильной... ну и прочее. А напоследок наказал: «Туда и обратно – мигом! Ибо положение сейчас шаткое и где немец сейчас точно не известно».

Ну что ж приказ есть приказ. Тронул в путь Архип своего Магнита, – тот, как раз запряжённый стоял, – и застучали по колдобинам дороги колёса повозки под грузную и невозмутимо спокойную трусцу мерина. Без особого понуждения, сильно не постёгивая (кнут хоть и имелся в наличии, да Архип им никогда не пользовался), а лишь легонько похлопывая вожжами по крупу коня, дабы тот должного темпа придерживался, правил Архип, поглядывая: правильным ли маршрутом едет. Когда старшина объяснял, всё просто и ясно казалось, да как говорят: «...гладко было на бумаге...», а в действительности – ох уж эти фронтовые дороги, тем более, во время отступления. Ни какого порядка нет – кто куда хочет, туда и лезет. Суматоха кругом, давка... ругань несусветная. Ни пройти, ни проехать... Вот и получилось, что оттеснили повозку Архипа сначала к обочине, а после и вовсе за неё. Оно, пожалуй, не велика беда, да только сложно отсюда разобрать: где тут поворот, где перекрёсток – а при таком раскладе не мудрено и мимо нужного места проскочить.

Поначалу Архип вроде в правильном направлении путь

держал, но чем дальше, тем всё незнакомер и непонятней округа становилась. Тогда и появилось у него ощущение, будто что-то упустил он, проглядев нечаянно. Тут Архип, конечно, Магнита остановил и, приподнявшись на подножке, начал озадаченно по сторонам глазеть, приметы высматривая. Всю шею себе своротил, да так и не сообразил куда забрёл... В общем, как не крути, а выходит – заплутал он. И осознав это, растерялся тотчас, а в голове разом спутались и названия, и ориентиры, и наставления старшиной данные – словно умопомрачение какое-то нашло, мысли сковавшее.

Так и стоял Архип, не зная, что делать: и куда вперёд ехать неизвестно, и назад никак нельзя – задание-то не выполнено. Да, плохи дела... как сажа бела. И не столько ругани он старшинской боялся (не впервой было), сколько обида его брала оттого, что оплошать угораздило прямо таки «на ровном месте».

«Надобно небось ещё малость вперёд продвинуться, уж назад завсегда развернуться можно», – надумал Архип, из ступора понемногу выходя. Всё же лучше, – хоть с запозданием, – но исполнить порученное, чем пустым воротиться... Решившись, тронулся потихоньку, по окрестностям глазами шаря, в надежде как-нибудь на местности определиться. Только сложно это – указателей ведь почти нет, а на тех какие изредка встречаются – надписи на чужом, нерусском языке сделаны. И спросить у кого-либо, – даже если б имелась такая возможность, – вряд ли бы вышло, пото-

му как все наименования пунктов, которые старшина называл, позабылись уже Архипом, перемешавшись между собой своими слогами невнятными. Странные они какие-то, сложные... и уху непривычные. На языке вертятся, а никак не говоришь. Как такие упомнить?

Должно быть с версту, – а может и больше, – проехал Архип, когда чуть в стороне заприметил, чернеющий нагими стволами деревьев, холм. Вспомнилось, что старшина про лес какой-то сказывал. «Небось этот бугор заросший подразумевал?..» – предположил Архип. Вон виноградник поодаль виднеется, про него тоже упоминалось – это, надо признать, ориентир неважнецкий конечно (они тут повсюду встречаются), но всё же.

– Надобно значит нам того бугра держаться, глядишь и выйдем куда следует... – проговорил он вслух, вроде как с Магнитом советуясь (больше-то не с кем)... и, с молчаливого согласия того, свернул на малозаметную и узенькую, но вполне пригодную для его повозки, тропинку.

Ехал так... До холма уж рукой подать (широко тот разлётся – краёв не видно) и передовая, судя по всему, неподалёку уже (вон как отчётливо разрывы слышны), а нужное местечко покамест не встретилось. Постепенно тропинка стала к лесу заворачивать, вверх на возвышенность всползая. «Нет, что-то тут не то...» – начало казаться Архипу, явно ощутившему близость боя, вероятно, прямо за холмом шедшего. Притормозил он коня – зачем соваться «не зная брода».

С повозки слез, недоумевая в замешательстве: что ж предпринять теперь?.. И не то, чтобы страх его обуял (хотя, если честно, и это было), а просто как правильной поступить сомневался: вперёд направляться точно не стоило – и так понятно, что слишком далеко забрался... и на обратный путь решимости не хватало – а ну как снова мимо прокатит. Вот ведь незадача вышла...

И кто знает, сколько бы ещё времени провёл Архип, ломая голову над своей проблемой, если б не выскочил (именно выскочил!) прямо на него из леса всадник. Словно вихрь налетел внезапный: не было никого подле... и на тебе вдруг! Чуть не сбив с ног Архипа, заплясал на месте осаженный седоком жеребец вороной масти. Дико косил шальным глазом, кривя натянутый удилами рот.

– Эй, ты! – окрикнул всадник. – Кто таков?!

Опешил от неожиданности Архип. Как так случилось, что не углядел он конника этого? Ни приближения не усмотрел, ни топота копытного не услышал. Раз! – и вот он... да ещё и покрикивает.

– Ну!.. – поторопил всадник. Лицо запалённое. Взгляд резкий, недобрый. На плечах, под ремнём автомата, через шею перекинутым, погоны с лычками сержантскими. А на чёрной невысокой папахе алой крапинкой звёздочка пятико-
нечная отблёскивает.

«Казак...» – скумекал Архип, припомнив, что слышал недавно от кого-то, якобы поблизости кавкорпус казачий

должен оборону держать.

– Слухай сюды! – так и не дождавшись ответа, начал распорядиться сержант. – Ты со своей брочкой враз поступаешь в распоряжение нашего эскадрона!

«Как же так?..» – ошарашено потупился Архип. Что за приказ такой? У него вообще-то и задание своё имеется, и командиры свои есть. Мало ли чего этому сержанту нужно.

– Чё застыл! Живей!.. – добавив в конце крепкое матерное слово, заорал кавалерист. – А то щас!.. – И грозно на стременах приподнялся...

Оробел вконец Архип (что ж это делается такое!). Стоит, безмолвно будто истукан, не зная как быть. А время идёт...

Тут сержант, видимо почувствовав, что криком своим все дара речи человека лишил, перегнулся с седла к Архипу и примирительно растолковал:

– Слухай, раненные там. Эвакуировать их требуется... Хочешь, давай мне свою телегу, а сам катись на все четыре стороны.

«Раненные... Вон оно как», – успокаиваясь, соображал Архип. Теперь-то понятно для чего он понадобился. Тут, само собой разумеется, – подсобить необходимо.

– Ну, раз такое дело, показывай куды ехать.

И без лишних разговоров, приободрённый переменой манеры обращения к нему (а то ишь, одним криком взять норовил), а так же ясностью предстоящего дела, скорёхонько взобрался на повозку и, подобрав вожжи, уставился на сер-

жанта: вот, мол, я – в полной боевой готовности...

Быстро (с той максимальной скоростью, которую способен был выдать Магнит) гнал Архип по извилистой лесной тропинке, стараясь не упустить из виду маячащую красным верхом, прошитым крест-накрест двумя рядами чёрных полос, папаху скачущего впереди казака. А тот: чуть вырвется вперёд и остановится... ждёт – не подходит ему темп хода Архипова коня (да что поделаешь – какой есть). Но и рядышком толочься не желает – очевидно стараясь таким способом за собой увлечь, подтянуть... ускорить.

«Может оно и к лучшему... – думалось Архипу. – Вроде бы оправдание будет иметься, почему приказ не исполнил».

Тропинка, по которой они поспешали, чуть только в лес заведя, принялась по пологому склону холма вилять, то к верхушке подымаясь, то к подножию съезжая. Мрачные заросли корявых, лишённых листья деревьев поубавили, и без того слабый, свет хмурого мартовского дня... не оглядеться. Муторно на душе от этого, тягостно... не по себе как-то. А до передовой поди всего ничего осталось – вон какой грохот оглушительный в округе стоит.

Обогнув холм, выскочили на открытое безлесное место. Сразу сделалось и светлей и просторней. Всю низину, перед ними лежащую, как на ладони видно: и виноградники, правильными рядками колышков, с возвышенности спускающиеся; и тянущиеся вдаль рельсы железнодорожного полотна; и дорогу шоссейную рядом с ним; и ровную узкую линию

канала, отделяющего заболоченный луг; и небольшой городишко, серыми строениями в отдалении темнеющий. А ещё Архип разглядеть успел, как переправляется через канал у взорванного моста немецкая пехота на надувных резиновых лодках, и несколько танков с противоположного берега ведут огонь по посадке на окраине городка, над которым смоляной дым пожарища поднимается – знать, и там бой идёт...

«И не боязно вовсе...» – показалось Архипу, – за всю службу свою так близко к переднему краю никогда не подбирался, – может потому, что мелькнуло перед ним увиденное точно снимок фотографический (а со стороны всё простым и незначительным кажется). Мелькнуло коротко и пропало, недоступное взору из балки, в которую они с сержантом стремительно с холма скатились. Лишь также, как и прежде, остался слышен, рвущий небо, громовой рокот боя: густой и тяжёлый.

На дне балки бойцы, группами разрозненными, расположилась – раненные (по белеющим на них бинтам понятно). Кто лежит... кто сидит... а вокруг их санитары суетятся – этих по большому туго набитым сумкам с красными крестами распознать можно. Только подъехали, от общей массы отделилась деваха: крепкая такая, широкая (что в плечах, что в бёдрах), и, сделав несколько шагов в сторону, начальственно замахала рукой, к себе подзывая. «Фельдшер ихний, небось...» – сообразил Архип, потому как помимо её погон офицерских, – у единственной тут имевшихся, – сразу заме-

тил, что она тут командует. Вот и сержанта, разухабисто наклонившегося к ней, долго слушать не стала (дескать, поручение исполнил, – свободен... не до тебя, мол), и Архипу «ни здрасте, ни пожалуйста», лишь зыркнула глазами сердитыми, – совсем не подходящими к её круглому, курносому лицу с пухленькими щеками, – да коротко указала куда повозку ставить.

Начали грузить раненных. В первую очередь тяжёлых – тех, что лежачие. Тут и Архип участие принял: взялся, – как ему показали, – за край шинели крепко, на которой без сознания боец лежал... поднял осторожно, когда скомандовали... и бережно в кузов уложить помог... После ходячими занялись. С этими попроще было – они, хоть неуклюже, но сами и вскарабкались, и расселись (на бортах в основном). Вроде и повозку у Архипа большой считать нельзя было, но к его удивлению, всем места хватило – тут как говорится «в тесноте, да не в обиде».

Когда с погрузкой закончили, фельдшер одному из санитаров приказала, в сторону Архипа кивнув:

– С этим поедешь. Дорогу ему покажешь. Если наших встретишь – поторопи... думаю ещё раненые будут...

Как только через устье из балки выбрались, вновь подъём начался. Тут Архип с повозки спрыгнул и рядом пошёл – всё легче Магниту будет. Слез и санитар... без просьб слез, сам догадался, что тяжело коню. И пока шли так, то всё на Архипа поглядывал, прикидывая, видимо, как с незнакомцем

разговор ловчее начать.

– Откуда это ты паренёк взялся?.. Где тебя отыскали? – спросил в конечном итоге.

Архип в нескольких словах рассказал, как дело было.

– Да... положеньице у нас неважнецкое... – протянул санитар и, обернувшись в сторону передовой, покачал головой, выразив тем самым столь явное опасение, что Архип невольно поддернул вожжами – вроде бы как ускориться желая.

– Мы уже одну партию в медпункт отослали. Вот только назад подвод не дождёмся... – продолжал он, как бы объясняя причину по которой Архипа к этому делу привлекли. – А раненых в непременноости отправить нужно. И быстрёхонько желательно, сам видишь положенье какое... – И снова назад обернулся...

Словоохотливым попутчиком санитар оказался, всю дорогу либо спрашивал всякое, либо сам о чём-то рассказывал. Правда, Архипу разговоры те не к чему были, он больше по сторонам смотрел, маршрут стараясь запомнить. Путь опять лежал у самого подножия холма, только теперь с обратного его склона. Отсюда он, заслоня собой обзор, казался ещё больше и шире. Не будучи единым, весь его массив, искромсанный множеством глубоких оврагов, делился на несколько, сплошь покрытых лесом, возвышенностей, разделённых извилистыми, и такими же заросшими, лощинами.

В одну из них, по указке санитара, и повернул Архип. Су-мрачно в закрытой от света ложбине (а ведь не поздно ещё –

день только недавно на вторую половину перевалил), сыро и неприятно. Санитар примолк, став тише и сосредоточенней. Теперь он с дороги глаз не спускал, видимо сбиться опасался. А это совсем запросто могло получиться, поскольку дорога та (больше на заброшенную просеку похожая) постоянно петляла, иногда сужаясь так, что трудно было определить из-за густого сплетения корявых веток близко стоящих деревьев – идёт она дальше или закончилась уже.

Но каким бы сложным и скверным не был тот путь, а всё же привёл их туда, куда требовалось, и через некоторое время они выехали на маленькую полянку с одиноко стоявшим на ней кирпичным домиком с высокой черепичной крышей. То, что это и есть нужное им место, видно было сразу – полковой медпункт ни с чем не спутать: здесь даже воздух особый какой-то, гнетуще тягостный... пропитанный болью и страданиями...

Когда закончили с выгрузкой раненых, Архип, – как ему велели, – повозку свою чуть поодаль отогнал, чтоб не мешалась. Отъехал немного... в сторонке стал... осмотрелся... и тут ощутил, что один остался. Понятно, конечно: раз дело сделано – значит надо в свою роту возвращаться. Только не ведомо было ему, каким образом теперь отсюда назад добраться. Прежним путём ехать он не решался – долго и к передовой близко, а иной дороги не знал. «Надобно спросить у кого-нибудь... Да только у кого?» Санитар, с которым Архип сюда прибыл, запропастился куда-то. А другие рабо-

той заняты (вон как хлопочут), не подойдёшь... на грубость можно нарваться.

И решил Архип погодить малость – время ещё есть. Хоть часов у него отродясь никогда не было (даже трофейными разжиться не подфартило), он и так легко угадать мог, сколько до заката осталось – как-никак пастухом прежде трудился... Вот уляжется суета эта, успокоятся люди – тогда непременно спросит... разузнает всё обстоятельно и без спешки. А может ещё удастся «бумажку» у здешнего начальства выправить, о том, что не впустую он день провёл, по округе плутая, а раненых в медпункт доставлял – тогда уж наверняка никто ругать его не станет.

На том и порешив, Архип успокоился, весьма довольный своей задумкой. Выгреб из кузова повозки охапку сена и, отделив несколько испачканных кровью пучков, кинул её под ноги Магниту – пусть пожуёт, не забыв при этом заботливо освободить ему от удил рот и немного ослабить подпругу. Сам же, усевшись на облучке, вытащил из кармана сухарь, сгрыз его... а затем нахлобучил пониже шапку, сунул руки в широкие рукава шинели, нахохлился в поднятый воротник и стал ждать, с наивной лёгкостью искренне уповая на то, что всем его замыслам суждено будет сбыться и ничего непредвиденного не произойдёт. Ждал так... ждал... да и задремал...

Как одно мгновенье время умелькнуло, непонятно спал или нет. Сам не свой спросонок, в голове туман. Одно лишь

очевидно – поздний вечер уже на дворе... Только-только Архип в себя чуток пришёл, как увидел: в направлении к нему твёрдой поступью шагает, позвякивая шпорами, офицер какой-то – высокий, прямой и весьма представительный. Спрыгнул Архип с повозки, шапку-ушанку на голове выровнял, шинель оправил, ремень подтянул... а ещё, – уж и сам не зная зачем (с перепугу что ль), – достал из кузова винтовку свою и, перебросив её за правое плечо в положение «на ремень», вытянулся по стойки смирно.

Не успел Архип и глазом моргнуть, а офицер уже рядом оказался. Статный, бравый – словно с плаката агитационного: на прямых твёрдых погонах старшего лейтенанта (так, сосчитав звёздочки, Архип звание его определил) кавалерийские эмблемы; китель (зябко, а он в кителе одном) строго, без единой складочки, перетянут портупеей о двух плечевых ремнях; сбоку шашка в ножнах свисает, касаясь жёстких высоких голенищ чёрных до блеска сапог; а на голове фуражка, с непривычно закруглённым, малым козырьком, – такие Архипу прежде видеть не приходилось (обычно они большие и прямые... как лопата).

Архип, что есть сил, напрягся, вскинул выпрямленную ладонь правой руки к шапке и, набравшись духу, рапортовать начал... Дёрнулся в усмешке у «старлея» уголок губ, кольнули ироничным прищуром глаза: не по уставу с оружием в таком положении руку к головному убору прикладывать. Дошло до Архипа в чём дело, и от конфузии такой расстроился

он (хоть плачь), обидно стало, что за напасть такая – опять оплошал. Однако, на удивление ему, офицер замечание делать не стал, а наоборот приветливо улыбнулся, и с рассудительным спокойствием, доверительно, – будто с приятелем на деревенской завалинке общаясь, – сказал:

– Понимаешь дело какое... Прислушайся. Где сейчас бой идёт?..

Навострил Архип уши... и действительно, чудное что-то творится: в той стороне, где передовая была – стихло, а в тылу – гудит.

– Отступил, получается, наш полк, – продолжил после некоторого молчания старший лейтенант. – А мы здесь остались... в окружении, вроде как... Бывает такое... Фрицы, вероятней всего, высоты заняли... а нас, получается, стороной обошли. Но в любой момент нагрянуть могут... Понимаешь?..

Жуткие вещи сейчас слышал Архип, но страха не ощущал. И не потому, что не оценил ещё тяжесть положения, а оттого, что не чувствовалось нервного беспокойства в голосе офицера, а напротив – всё происходящее было им представлено, как пустяковщина какая-то заурядная.

«Из политработников, небось... замполит, – думал о нём Архип. – Хоть и выправка на зависть всякому, но не кадровый... поскольку обходительный, «цивильный» можно сказать... и не врач – эти все шибко серьёзные, на слова скупые и сутулятся... а ещё халаты белые носят». Да и вообще,

по всей видимости, хорошим человеком старший лейтенант был: не чванлив, как многие начальники... без гонора командирского... и в общении (как с равным) приветливо лёгок и прост – с той откровенностью, которую допускают, не боясь за свой авторитет, люди, знающие цену себе и другим.

– В полку теперь думают, что нас уже и в живых нет. Связь с ними отсутствует... А раз такое дело, получается, необходимо командование в известность поставить, чтоб на выручку к нам пробилась... да побыстрее, – объяснял старший лейтенант. – Только видишь дело какое... мы хоть и кавалеристы, но коней у нас в данный момент не оказалось... Ушёл наш транспорт в тыл... а назад уже не вернулся. Понимаешь?..

Архип слушал, головой кивая – ясненько мол мне, понятненько... И действительно, всё настолько предельно доступно изложено, что проще и некуда. Одно лишь досадно, что не может он вразуметь никак, к чему это «старлей» клонит... а спросить (или правильней сказать «уточнить») стесняется.

– А раз понимаешь, то слушай... Мы безлошадные, а ты при коне. Значит, получается, и выручать нас должен... – Задорно подмигнув, улыбнулся: – У нас ведь службы вроде как схожие... Ты, допустимо сказать, как и мы, тоже конник... – После паузы (видимо нарочно сделанной), улыбку с лица убрал и серьёзно спросил: – А, раз так... возьмёшься сообщение доставить?..

– Так точно! – неожиданно даже для самого себя, выпалил

Архип.

И вышло это так бодро и убедительно, что у старшего лейтенанта аж бровь кверху поднялась (не ждал он от стоящего перед ним бойца прыти такой). А ведь, если задуматься, ничего особенного не произошло: Архип, – если честно, – ни всей сложности, ни опасности предстоящего дела конечно ещё не осмыслил, но зато понял важность задания, с которым он (как ему казалось) вполне способен справиться. Тут и слова, – согласно уставу правильные, – сами собой в голову пришли. А всё потому, что не в строгом приказном тоне, а ровно, как с просьбой, обращался к нему сейчас офицер.

– Тогда вникай!.. – начал вводить в курс задуманного старший лейтенант, судя по виду вполне довольный решительным ответом Архипа... а то уж и сомневаться начал: стоит ли поручать столь ответственное дело этому, неказистому на вид, ездовому.

Достал из-под целлулоида планшетки карту (чтоб лучше видно было) и, слегка касаясь карандашом, начал водить по нанесённым на её листе разноцветным линиям, квадратикам, треугольникам и другим, – совершенно непонятным Архипу, – обозначениям. Да и как они, знаки те, понятны ему могли быть, если карты топографические видел он пару раз всего... не больше. Уловив, как захлопал глазами обескураженный Архип, старший лейтенант со вздохом, но без какого-то либо явного недовольства, принялся объяснять маршрут движения, как говорится «на пальцах», так

чтобы тому понятно было... Как закончил, проверил, что всё, из сказанного им, до Архипа дошло. И убедившись в этом, место на карте указал, почти в центре большого бледно-зелёного участка неправильной овальной формы между двух отметок, цифрами обозначенных.

– Вот где мы находимся. Так в штабе полка и покажешь... Понятно?.. – Получив утвердительный ответ, подытожил: – Через полчаса стемнеет окончательно, тогда и отправишься... Вот только без седла тебе будет не очень...

– Что ж тут такого... я к этому делу привычен, – пожал плечами Архип (эка невидаль, у себя в деревне ему чаще без седла ездить приходилось, чем с ним).

– Это хорошо. Раз так, значит есть все шансы, что доберёшься... И наши пробиться сюда смогут. Не думаю, что фрицы основательно на высотах закрепились... Ну, а мы тут оборону будем держать... до последней крайности. Так и передай... И ещё... у тебя к винтовке сколько патронов?

– Четыре обоймы, – ответил Архип (сколько изначально выдали, столько и сейчас в наличии).

– Махнёшь свою трёхлинейку на парабеллум трофейный, – похлопав ладонью по подвешенной к его ремню объёмной, жёсткой (будто футляр), чёрной кобуре немецкого пистолета, предложил с задорной ноткой в голосе старший лейтенант. – С ним тебе половчей будет. – Видимо, намекая на соотношение роста Архипа и размера винтовки, которая явно выше своего владельца окажется, если к ней штык при-

мкнуть.

Надо заметить, что Архипу, – будто в насмешку, – выдали винтовку старого образца... такую, какие в царские времена выпускали. И помимо того, что на её прицеле не метры, а шаги указаны, была она ещё и длиннее обычной... не намного, но и это при его росточке небольшом имело значение.

– Как же так... – потупился Архип. – Это ж личное оружие... она на мне записана... Не положено так...

– Ладно, ладно... не настаиваю... – успокоил его старший лейтенант. А затем, перейдя на серьёзный тон, многозначительно произнёс: – Готовься. Через полчаса темно станет... и вперёд... Вся надежда у нас на тебя.

Со знанием дела, не торопясь (времени вполне хватало) Архип отпряг от повозки и вывел из оглобель Магнита. Потом, рассупонив, стянул с его шеи хомут со шлейёй и постромками... расстегнул подпругу... стащил седёлку с потником... А как закончил, то всю снятую упряжь, – за исключением оставшейся на коне узды, – бережливо уложил в кузов повозки (как-никак казённое имущество) и, приспособив вожжи на манер поводьев, стал ждать команды на отправление.

Как стемнело, старший лейтенант ещё раз с Архипом предстоящий маршрут обсудил, прикинув расстояние и время... удачи на прощание пожелал, подмигнув: «Ну, либо грудь в крестах, либо...»... и до тех пор, пока тот виден был, провожал его участливо подбадривающим взглядом...

Лёгкой трусцой, а чаще шагом (не особо в лесу разгонишься) нёс Магнит своего седока. Бездорожно напрямик правил Архип, стараясь курса заданного держаться. Сложно это конечно – темень вокруг непроглядная, да заросли густые. Сложно, но нужно... очень и очень нужно – так Архип понимал. Потому, вытесняя чувство опасности, больше всего беспокоило его правильность направления – непозволительно сейчас сплеховать было.

Бой к ночи стих. Не то, чтоб полностью, – иногда ещё и дробная трескотня выстрелов где-то неподалёку раздавалась, и басовито суровый гул взрывов из далека доносился, – но всё ж не так как днём шумно было, даже звуки леса ощутимы стали... неясные и безжизненно тоскливые. Колыхнётся ли тягучим скрипом дерево, хрустнет ли ветка под конским копытом, или ещё что-либо послышится – начеку Архип, больше на уши, чем на глаза полагаясь... Но в общем всё относительно спокойно вокруг было, и самое главное – безлюдно. Именно этого сейчас ему как раз и требовалось.

Чуть позже поодаль глухое натужное урчание моторов возникло. «Не меньше двух машин, небось... Значит дорога там», – настороженно прислушиваясь, соображал Архип. Эту дорогу старший лейтенант упоминал и велел, ни в коем случае не выезжая на неё, параллельным ей курсом следовать. «Значит верно еду... Надобно и дальше так... рядышком, но не шибко близко – чтоб раньше времени с немцем не повстречаться...» – определился Архип и дальше двинулся.

Шум моторов то стихал, то снова появлялся... не пугая, а наоборот служа удобным ориентиром.

Через какое-то время машин слышно не стало – вероятно дорога в сторону завернула... а после и лес закончился. Дальше открытая равнинная местность лежала. После лесной тьмы, здесь вроде как малость повидней стало, но не дюже: ни тонюсенький серп убывающей луны, ни то малое количество звёзд, оставшихся неприкрытыми плотно скомканной завесой туч, не могли в нужной степени осветить равнину. Всё вокруг было заполнено тёмно-серым сумраком ночи. Лишь вдалеке, отделяясь от неба еле-еле заметным оттенком, угадывалась прерывистая гряда небольших высот. Именно там и должны быть свои... Вот теперь надо Магнита во весь опор пускать («аллюром три креста» – как старший лейтенант приказывал), так чтоб до туда одним махом домчаться. Разогнал Архип коня своего, насколько духу у того хватало, и понёсся вперёд ни ямок, ни кочек не замечая, а лишь чутью лошадиному доверяясь. Скачет, мысленно цель приближая – быстрее бы!.. сзади по спине винтовка колотит... вокруг темнотища кромешная... и кроме ветра в ушах ни чего не слышно...

Вдруг стопорнулся Магнит, испугавшись чего-то. И тут же, черкнув яркой короткой вспышкой по ночной черноте, метнулась вверх ракета... лопнула в вышине... и начала горящим белым шаром скатываться вниз, волоча за собой дымный хвост. Холодный дрожащий свет внезапно от-

крыл пространство, отбросив от всего, что вокруг находилось длинные покачивающиеся тени. Мощной громадиной выделился из темноты силуэт танка... чуть в стороне ещё один... а подле них люди... И совсем рядом (прямо вот оно!) искажённое контрастным отсветом, удивлённое лицо солдата в пятнистой плащ-накидке и широкой, обтянутой сеткой каске... Немцы!!!

Кто-то крикнул... звякнуло что-то... и вся, – прежде кажущаяся пустой, – округа будто ожила, наполнившись головами и движением...

Одним мигом, – словно видение, – пронеслось это в сознание Архипа (не смог даже понять что к чему), как уже нёсся он без оглядки галопом, уткнувшись в холку коня, всей сущностью устремаясь к той высоте, что смутно виделась вперёд... к своим. И ни чего больше не различал и не чувствовал кроме отчаянного стука сердца, бьющегося в такт бешеной скорости, которой ему сейчас всё равно казалось недостаточно мало...

Жёлтыми пунктирами побежали вдаль один за другим огни трассирующих очередей ударившего вдогон пулемёта. Неестественно диким воплем взревел, дёрнувшийся в бок, Магнит. И всего только успел углядеть Архип, что подкопились, лишившись опоры, передние ноги коня... как вдруг земля опрокинулась... и какая-то невероятная сила грубо и крепко (точно тисками) сдавила ногу. Невыносимая боль, раскалённым штырём пронзив колено,

лишила сознания...

Сложно сказать, сколько беспамятствовал Архип, но надо полагать не долго – поскольку когда очнулся, ночь ещё была глубокая... беспросветно чёрная и гнетущая. Будто через вязкую трясиину продравшись, из тяжкого забытья выбрался... и пусть не сразу, но осознал, истерзанным жестокой болью рассудком, что хоть сквозь немцев он и проскочил, а к своим ещё не добрался... и лежит сейчас где-то на нейтральной полосе с придавленной убитым конём ногой.

Мелкая нудная морось сыпалась с угрюмого чужого неба, напитывая противной влагой шинель. Но не от сырости промозглой, а от страха омерзительно липкого, стыла в жилах кровь у Архипа. Неодолимая слабость, отняв остаток сил, обезволила и погрузила в безысходное отчаяние. Даже смерть Магнита, – верного товарища, с которым полгода, можно сказать, в одной упряжке довелось службу нести, – не вызвала горесть утраты... потому как первый раз за всю свою недолгую жизнь ощутил Архип её конечность... поняв, что и сам скорей всего навсегда останется здесь лежать, если до рассвета к нашим не доберётся...

«Нет!.. Нельзя так!.. Никак нельзя...» – воспротивилось этому что-то в Архипе. Как же можно людей подвести, ведь вся надежда у них на него... на Архипа – так напутствуя старший лейтенант говорил... «Нужно пробовать... Хоть как... но нужно...».

Опамятовался мало-мальски Архип, из тумана небытия

пробудившись... в себя пришёл... с мыслями собрался – надо первым делом ногу освободить... а там видно будет... С горем пополам вытащил из-за спины винтовку... приклад, будто весло, под бочину коня запихнул... и начал приподнимать Магнитову тушу, правой рукой и плечом в ствол упираясь, а левой за штанину ногу, жаркой болью кипящую, вытягивать... Весь измучался, потом холодным изойдя... ворот шинели зубами изгрыз, в беспомощной злобе всё и вся проклиная... но вытянул... и, обессилев вконец, ткнулся головой без разбору прямо в слякоть... в беззвучном плаче дрожа...

Отдышавшись да боль переждав, Архип ногу свою травмированную ощупал, опасливо колена касаясь. Как чужая нога стала, непослушная совсем. И штанина у колена липкая вся – в крови видимо.

Плохи дела... Ползком выбираться придётся...

Перетянул Архип, снятой обмоткой, как смог рану повыше колена (так вроде медики советуют)... собрался с духом... и пополз, слабыми руками за землю цепляясь... как-нибудь – но лишь бы вперёд... к своим...

Мало что запомнилось Архипу из остатка той ночи. Как в бреду болезненном... или во сне жутком (да если б сон это был!): и ночь беспроглядно слепая... и земля от грязи осклизлая... и дождь леденяще холодный... и боль изматывающая... всё сжалось в один нескончаемый кошмар... Мертвенно глухо вокруг – ни звука не слышно... воздух от

влаги будто свинцовый – не продохнуть... чёрной пустотой сжато пространство – даже того, что рядом не разобрать... всюду одна только муть гнетущая мерещится... Страшно... тяжело Архипу – один на один он с испытанием на его долю выпавшим... Вытянет вперёд вялую руку... кочку, али ещё что-либо, нащупает... пальцами немощными вцепится... тащит себя – хоть на сколько-нибудь продвинуться... И ничего сейчас для него не существует кроме этого движения... темноты... холода... боли...

Сложно сказать, сколько мучения Архипа длились... пропал для него привычный ход времени, растворившись в бесконечном море... Одно точно: подобрали его выползшие навстречу бойцы – наши... русские... Радости сколько!.. только силёнок, чтоб выразить нет... ускользает явь из сознания... Смутным видением осталось в памяти Архипа: как сперва окликнули его тихо... как после подползли к нему... как до укрытия дотащили... Ну, да это и не главное тогда было – главное, понимал он, что к своим добрался... а значит теперь всё хорошо будет – ведь и жив остался, и с заданием справился.

В блиндаже, – после ненастья ночного, – светло... тепло... и успокоительно мирно. Там Архип, сначала одному командиру, затем другому (очевидно самому старшему тут) поручение передал... объяснил обстоятельства... место на карте показал, как велено было... Те хвалили его, руку крепко жали... Непривычно как-то и даже неловко Архипу – нико-

гда ему прежде благодарность за службу не объявляли... И уже хлопотали над ним два санинструктора, что-то с ногой его делая... и не страшной казалась сейчас боль – потому как всё плохое позади осталось...

Затем госпиталь тыловой был. Там Архипу и операцию сделали... и гипс, почти на всю ногу, наложили... и костыли выдали, на которых, – как только врачи разрешили, – скакал он по больничным коридорам до самого конца весны. Долго лечиться пришлось, ну да что ж тут поделывать: хочешь не хочешь, а надо. В госпитале всё по распорядку последовательно, размеренно и однообразно. Отрадны лишь вечерние разговоры соседей по палате: ведь с чего б не начинались беседы эти – непременно к ожиданию скорого окончания войны сводились. Ну, а самым главным событием было конечно известие о Победе. Никогда не забыть Архипу неизмеримо огромную радость и восторг всеобщего ликования в тот день. И ещё до этого письмо пришло от того старшего лейтенанта из полка кавалерийского (как только разыскать умудрился – удивительно). В письме он выражал сердечную признательность за выполненное задание, желал скорейшего выздоровления... и сообщал, что за спасение жизни раненых бойцов Архип представлен к ордену.

Летом сорок пятого года выписали Архипа из госпиталя и, дав третью группу инвалидности, комиссовали, поскольку врачам, несмотря на все их старания, так и не удалось что-то собрать в его колене. Вот и поковылял он в свой край родной,

на костыль, – к хромоте его навечно теперь приставленный, – опираясь.

Ну, а в деревне (хоть войной и не тронутой, но заметно малолюдней да захудалей сделавшейся) в ту пору инвалидность Архипа особого значения не имела – не один он такой был. Руки, ноги есть, ну и достаточно, а хромота – это дело десятое и не столь важное. Работы непочатый край было – любой сгодиться. Так и трудился Архип в колхозе своём: сначала разнорабочим, а затем, как смена подросла, в конюхи перешёл (самая подходящая работёнка для него).

А ещё, как с войны воротился, так почти сразу женился. Тогда-то он ох как востребован был: ни на рост его незавидный, ни на ногу покалеченную, бабы внимания не обращали, – мужиков катастрофическая нехватка была! Жена Архипу, – в полную противоположность ему, – бойкая да напористая досталась. Это и к лучшему видимо, при такой разнице характеров (и ведущий, и ведомый есть) сцепка обычно крепкая получается – так и у них в семье было...

По прошествии лет быт налачился, жить стало полегче и вроде как-то повеселей что ли. Годы военные, не то чтоб позабылись, а просто в прошлое ушли. Уж и с ногой своей покалеченной свыкся Архип, будто родился такой. В буднях житейских лишь изредка вспоминалось ему о войне, и то в основном на праздник Победы, когда в райцентр приглашали – к круглым датам медали юбилейные вручать. Правда, далеко не всегда Архип приезжал (дел в хозяйстве много), да

и медали те он не носил никогда... чем тут хвастаться. Вон у других ветеранов по две, три награды боевых, а у него что – «юбилейки» одни. И ранение прямо-таки не боевое совсем: ведь не контузило, ни осколком али пулей зацепило, а конь ногу придавил, даже и сказать смешно. Ну, а ордена своего (того, что старший лейтенант посулил), Архип так и не дождался. Может бумаги на представление затерялись, может «завернули» где, а может и ещё причина какая – откуда ему знать. Да и ладно... разве в нём суть? «Истинная суть жизни: в семье... в детях... в хозяйстве...» – так, излишне не мудрствуя, по обыденному считал Архип... Так и до старости дожил: никогда не гоняясь за большим, а довольствуясь тем, что есть; не дюже хорошо, но и не плохо вовсе... как все.

* * *

В районном Доме культуры многолюдно и торжественно: все вокруг празднично разодеты и нарочито солидны, на стенах яркие транспаранты крупными буквами высоких слов расписанные, флажки да шарики какие-то разноцветные всюду, а из динамиков огромных музыка парадными маршами басит.

И ведь удивительно даже представить, что всё это ради него – Архипа Степановича. Чудно как-то и странно. Сроду ему внимания столько не оказывали, даже неловко от этого делается.

С утра, как военком обещал, транспорт к дому подогна-

ли (да не одну машину, а две). Так что всем места хватило: и деду Архипу, и бабке его, и дочке с внуками из города приехавшим... Аккуратно и не торопясь к месту доставили... По порожкам, к главному входу в ДК ведущим, подняться помогли, под руку сопровождая. Лишнее это, конечно, – с этой задачей дед Архип и сам бы справился, – но от подмоги предложенной отказываться не стал... постеснялся.

От большого количества людей аж в глазах рябит, а в непривычной сутолоке деду Архипу и не понять: кто к нему подошёл, кто поприветствовал, кто руку пожал. Но по обилию лиц представительных, надо полагать, тут не только районное начальство присутствует, но и из области приехали.

В актовом зале на первый ряд усадили, по центру самому. Не по себе деду Архипу, точно как не в своей тарелке: и на виду у всех... и кресло здесь неудобно жёсткое какое-то. Да к тому же в костюме строгом, специально ко дню сегодняшнему дочерью в городе купленном, неловко совсем. Прежде он костюмы эти не носил вовсе, потому как и не было у него их никогда, если не считать тот, что у бабки, на смертный час заготовленный, в сундуке хранится.

Как все расселись, то с трибуны начали в микрофон говорить – громко и важно. Затем его позвали (опять же и подняться, и дойти помогли). Глава районной администрации (этого дед Архип по плакату, как-то раз виденному, узнал), улыбаясь с высоты своего роста, поздравил и, слегка наклонившись, коробочку красную протянул. А в ней, поверх кни-

жицы удостоверения, лежит крупная пятиконечная серебряная звезда, к колодке с чёрно-оранжевой лентой прикреплённая... весьма уважаемая в солдатской среде награда – орден Славы.

Тут ребятня подбежала – цветы дарить. Все руки заполнили букетами, шуршащими целлофановыми обёртками. Щелбечут наперебой друг дружке. Мало чего разбирая в этом разноголосье звонком, дед Архип, совершенно смущённый и растроганный, молча улыбался в ответ, часто моргая наполняющимися слезой глазами...

После был концерт. И Архип Степанович, будучи весьма довольный тем, что никаких речей произносить от него не потребовалось, сидел на своём месте, слушая, как молодые голоса старательно выводят слова знакомых ему песен. Легко и отраднo было ему сейчас в этом, – кажущемся теперь уютным, несмотря на свой простор, – зале, наполненном радостным весенним светом, игриво щурящим улыбающиеся детские лица.